

Глава восьмая. Терроризм и справедливость: повторение прописных ИСТИН

Для того чтобы понять смысл любого неоднозначного и малопонятного явления, к которым, несомненно, относится феномен терроризма, пожалуй, лучше всего начать с рассмотрения базовых и общеизвестных понятий, относящихся к объекту наблюдения.

Во-первых, всякое действие оценивается с точки зрения его возможных последствий. Во-вторых, нельзя забывать о принципе универсальности — мы используем по отношению к себе те же критерии оценки, что и к другим людям, если не более жесткие. Эти общедоступные принципы лежат в основе теории справедливой войны, по крайней мере, если к ней относиться серьезно. Когда мы говорим о прописных истинах, возникает справедливый вопрос: насколько широкий круг людей считает их таковыми? В ходе дальнейшего исследования будет наглядно показано, что большинство людей, как мне кажется, категорически их отвергает.

Первый из приведенных здесь фактов требует некоторого пояснения. Конкретные последствия какого-либо действия могут иметь большую значимость, но они сами по себе не являются основанием для оценки его с точки зрения морали. Никто не стал бы хвалить Н. Хрущева за одно то, что ракеты, которые он разместил на Кубе, не спровоцировали войну. И в равной степени вряд ли кому-либо пришло бы в голову осуждать тех, кто в тот момент умножал страх, предупреждая о приближающейся опасности. Одобрительные возгласы в адрес «горячо любимого вождя» Северной Кореи в связи с тем, что он создал ядерное оружие и передал технологии по производству ракет Пакистану, выглядят абсурдно. Также было бы странно осуждать тех, кто выступает с предупреждением о возможных последствиях такого «дружественного шага», лишь потому, что в итоге все обошлось. Поборника государственного насилия, который принимается отстаивать подобные действия, стоило бы воспринимать либо как морального урода, либо как сумасшедшего. Все это выглядит очевидным до тех пор, пока аналогичные критерии не начинают применяться к нам самим. В таком случае безумие может быть представлено как норма и даже приветствоваться, а здравый смысл сурово осуждаться.

Давайте, тем не менее, не станем искажать смысл прописных истин и очевидных фактов. Предлагаю в этой связи рассмотреть некоторые важнейшие примеры, которые показывают, как проявляются эти аксиомы современной жизни.

ТЕРРОР И ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ

Рассмотрим события 11 сентября 2001 года. Многие полагают, что эти нападения коренным образом изменили ход мирового развития и открыли новый «век террора» — именно под этим названием вышел научный сборник работ специалистов Йельского университета{358}. Все в один голос констатируют размытость значения термина «террор».

Нас интересует, почему это так. Официальные определения, которые дает государство, совпадают с целым рядом других, удобных для использования в различных целях, формулировок. В уставе армии США содержится следующее определение понятия «терроризм» — «намеренное использование силы для достижения политических, религиозных и идеологических целей посредством запугивания, принуждения и осуществления устрашающих акций». В американском праве имеется более подробное описание, которое, по сути, содержит ту же логику. Во многом сходно определение, которое использует британское правительство: «Терроризм — это применение или угроза применения силовых разрушительных, дестабилизирующих действий, призванных оказывать давление на правительство, запугивать общество с целью достижения политических, религиозных и идеологических целей»{359}. Эти определения кажутся вполне понятными. Они достаточно близки по своему значению к распространенным в употреблении формам и считаются уместными в тех случаях, когда речь идет о террористических действиях официальных врагов.

В своих работах по данной тематике, начиная с 1981 года, когда к власти пришел Р. Рейган и заявил о начале войны с терроризмом как о ключевом направлении внешней политики США, я использовал именно официальные правительственные формулировки базовых терминов. Эти формулировки особенно применимы в нашем исследовании, поскольку они появились вместе с объявлением о начале первой войны с терроризмом. Однако после этого никто не использовал их, со временем они вышли из употребления и не получили никакой достойной замены. Причины этого вполне ясны: официальные определения «терроризма» ничем не отличаются от «контртеррористической деятельности» (иногда она еще называется «конфликтом слабой интенсивности» или «операцией противодействия экстремизму»). Однако, несмотря на то что контртеррористические операции являются ключевым элементом политики США, неверно утверждать, что американская политика сводится к террористической деятельности{360}.

США, конечно же, не единственные, кто действует таким образом. Традиционно различные страны называют свои террористические операции «контртеррористическими мерами», даже если речь идет о массовых убийствах. Это, к примеру, было характерно для нацистов. В странах оккупированной Европы они совершали свои преступления под лозунгами защиты населения и легитимных правительств от фанатиков и террористов, пользующихся поддержкой из-за рубежа. В этом была некоторая правда — даже самые отъявленные

пропагандистские лозунги несут в себе долю истины. Действительно, Лондон направлял в Европу фанатиков различного рода, которые участвовали в террористических операциях. Военные США с интересом относились к нацистской модели: американские доктрины противодействия экстремистской деятельности вобрали многое из нацистских справочников и практических руководств, которые, при поддержке офицеров Вермахта, штудировались с большим энтузиазмом{361}.

Часто террор называют оружием слабых. Формально это верно, если террор относить исключительно к их террористической деятельности. Но, откровенно говоря, террор скорее является орудием сильных.

Другая трудность, связанная с использованием официальных формулировок термина «террор», заключается в том, что если следовать их логике, то США можно назвать главным террористическим государством в мире. Это утверждение не вызывает противоречий, по крайней мере среди тех, кто проявляет хоть немного уважения к таким институтам, как Международный суд или Совет Безопасности ООН, не безразличен к мнению научного сообщества, — несомненно, к таким странам относятся Никарагуа и Куба. Однако этого утверждения для нас будет не достаточно. В таком случае мы остаемся без какого-либо связного определения того, чем является феномен «терроризма». Или же нам придется в обход запретов использовать официальные формулировки, которые вышли из употребления из-за непредсказуемых последствий их применения.

Официальные формулировки не раскрывают всей сути явления. В частности, они не проводят различия между «международным терроризмом» и «агрессией» или между «террором» и «вооруженным сопротивлением». Эти вопросы о различиях в понимании и трактовке ключевых терминов стали возникать в интересной обстановке, когда была повторно объявлена война с международным террором, а в американском обществе развернулась широкая дискуссия вокруг этой тематики, которая, судя по заголовкам газет, ведется и по сей день.

Давайте рассмотрим различие между «террором» и «вооруженным сопротивлением». Сразу же возникает вопрос: в каких случаях легитимно использование «права на самоопределение, свободу и независимость, в соответствии с Уставом ООН, людьми, которых этих прав насильственно лишают... в особенности, это имеет отношение к народам, колонизированным, находящимся под властью расистских режимов или в условиях внешней оккупации». Такие действия должны рассматриваться как «террор» или «вооруженное сопротивление»? Процитированные слова относятся к наиболее сильным формам осуждения преступлений, связанных с терроризмом, которые использует Генеральная Ассамблея ООН. В приведенном здесь документе ООН также отмечалось, что «нет никаких обстоятельств, при которых указанным в данной резолюции правам мог бы быть нанесен ущерб». Эта резолюция ООН была принята в декабре 1987 года, именно в тот момент, когда, по официальному мнению, разгул международного терроризма достиг своей высшей точки. Этот момент стоит особенно отметить. При голосовании этой резолюции в ее поддержку было отдано 153 голоса, против — 2 (воздержавшиеся — только Гондурас){362}.

Не трудно догадаться, какие страны проголосовали против. Они объясняли причины своего решения тем, что их не устроили формулировки основных понятий, приведенных в процитированном отрывке из текста резолюции. Фраза «колонизированным, находящимся под властью расистских режимов», как полагали, имела отношение к режиму апартеида в Южной Африке, руководство которой было союзником США и Израиля. Именно поэтому они не могли смириться с сопротивлением, будь оно вооруженным или нет, режиму апартеида, в особенности когда сопротивление возглавлял Нельсон Мандела и его Африканский Национальный Конгресс, который Вашингтон называл в то время не иначе как наиболее одиозной террористической силой. Под другой фразой — «внешняя оккупация» — подразумевалась более чем двадцатилетняя израильская военная оккупация. В данном случае также никакое вооруженное сопротивление было недопустимо.

США и Израиль были единственными странами в мире, которые не желали признавать, что такие действия могут быть квалифицированы как легитимное сопротивление, и считали, что эти действия могут рассматриваться исключительно как террористические. Позиция США и Израиля распространялась не только на оккупированные территории в Палестине. Так, США и Израиль, к примеру, рассматривают «Хизболлу» как одну из главных террористических групп в мире. Но не в связи с самими террористическими актами, которые она организует, а поскольку эта организация была сформирована для сопротивления оккупации в Южном Ливане и значительно преуспела в сдерживании действий завоевателей, пока те на протяжении десятилетий отказывались покинуть оккупированные территории в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН. США пошли еще дальше, когда назвали «террористами» непосредственно граждан, оказывающих прямое сопротивление действиям американских властей: к примеру, жителей Южного Вьетнама или, совсем недавно, иракцев{363}.

Американское общество, благодаря применению правительством права двойного вето, мало осведомлено об осуждающей позиции ООН в отношении того, что президент Р. Рейган называл «чудовищными последствиями терроризма». Попытки вникнуть в суть этих проблем станут вторжением на «запретную территорию»: для этого необходимо ознакомиться с исторической хроникой, документальными свидетельствами, диссидентскими критическими источниками.

Несмотря на многие неясности и резкое размежевание взглядов США и Израиля от остального мира, для достижения конкретных целей вполне достаточно официальных американских определений «террора».

Давайте вернемся к распространенному убеждению о том, что события 11 сентября 2001 года ознаменовали резкую смену исторических этапов развития. Это утверждение кажется спорным. Тем не менее, в этот роковой день произошло нечто совершенно новое и до этой поры абсолютно невообразимое. Объектом атаки стала не Куба, Никарагуа, Ливан, Чечня или какая-либо другая ставшая привычной жертва международного терроризма, а государство с колоссальной мощью, определяющее, судьбу мира.

Впервые нападение на богатые и влиятельные страны было осуществлено, как ни прискорбно отмечать, в невиданной до этой поры форме. Наряду с ужасом от масштаба и

степени антигуманности этого преступления, с сочувствием к жертвам терактов, за рамками официальной позиции представителей западных стран реакцией на события 11 сентября были высказывания, в которых, в той или иной степени, содержалась следующая мысль: «Испытайте то же, что чувствуем все мы». Особенно это было заметно в Латинской Америке, где многие люди с трудом могли забыть о целой череде насилия и репрессий, прокатившихся по всему региону с начала 1960-х годов, а также о том, кто стоял за всем этим.

Эти события связаны с решением, которое приняла администрация президента Дж. Кеннеди. Суть его сводилась к переформулированию миссии вооруженных сил латиноамериканских стран. Вместо того чтобы «поддерживать обороноспособность стран полушария», они должны были «обеспечивать внутреннюю безопасность в этих странах» в интересах США. В результате США перешли от молчаливого одобрения «жадности и жестокости латиноамериканских военных» к «непосредственному участию» в их преступлениях. В этот период при американской поддержке проводились «методы зондеркоманд Генриха Гимлера», по словам Чарльза Мэклинга, который возглавлял все операции США по противодействию экстремистской деятельности и координировал меры по обеспечению национальной безопасности США с 1961-го по 1966 год {364}. Жертвы этих действий примерно также характеризовали их. В качестве очень показательного примера приведу слова пользовавшегося большим уважением председателя колумбийского Постоянного комитета по правам человека Альфредо Васкеса Каризозы. Он сказал, что администрации Кеннеди «потребовалось приложить колоссальные усилия для того, чтобы сделать из частей наших регулярных армий бригады по борьбе с экстремистской деятельностью, внедряя новую стратегию использования батальонов смерти». Тем самым они предвещали создание того, «что впоследствии стало известно в Латинской Америке как Доктрина национальной безопасности... не инструмент защиты от внешнего врага, а средство утверждения безраздельной власти военных элит, наделяя их правом применения силы против любых внутренних врагов... Право воевать и уничтожать работников социальной сферы, членов профсоюзов, мужчин и женщин, которые не проявляли лояльности к правящей группе и которых намеренно называли коммунистическими экстремистами. Попасты в такую категорию мог каждый, включая активистов правозащитной деятельности, к примеру меня самого» {365}.

«Колоссальные трудности», о которых он говорит, совпали по времени с принятием судьбоносных решений 1962 года. В этот год президент Кеннеди направил в Колумбию специальную военную миссию во главе с генералом Уильямом Ярборо. Ярборо порекомендовал здесь «использовать против известных сторонников коммунизма военизированные группы, саботаж и/или террористические методы, поскольку мы располагаем всеми необходимыми средствами для организации такой работы» в стране. «Мы» — поскольку при проведении секретной операции можно быть откровенным {366}. Согласно доктрине противодействия экстремизму, формулировка «известные сторонники коммунизма» может трактоваться как «все, кого мы назовем коммунистическими экстремистами», включая категории гражданского населения, перечисленные Васкесом Карирозой. Этот факт хорошо известен в странах Латинской Америки, в равной степени как и то, что основными жертвами такой политики являются бедные и притесняемые слои населения, которые отваживаются поднимать свои головы.

Применение положений Доктрины национальной безопасности распространилось на Латинскую Америку в 1980-х годах. Сальвадор стал главным получателем военной помощи США, в то время как государственный террор в этой стране принимал самые чудовищные формы. Когда Конгресс США заблокировал решение о предоставлении прямой военной помощи, апеллируя к правам человека местного населения, как было в случае с Гватемалой, после массивной кампании правительственных репрессий американские ставленники осуществили то, чего добивалась американская администрация.

Те, кто пострадал в результате этой политики, еще долго будут помнить о событиях прошедших лет, в то время как в богатых и влиятельных странах эти преступления, как правило, подвергались «ритуальному замалчиванию» как нежелательные факты. Этому есть множество подтверждений. Так, со страниц многих национальных газет американцев предупреждают об усиливающейся опасности со стороны «Аль-Каиды», поскольку любой американец становится из «надежно охраняемого... легко доступным объектом атаки» {367}. Эта ситуация должна была бы моментально напомнить Вашингтону о том, как он давал указание подконтрольным силам в Никарагуа осуществить нападение «на уязвимые гражданские объекты» страны сразу же после того, как высокопоставленные международные органы власти приказали им прекратить террористическую деятельность.

Насколько нападение на «уязвимые гражданские объекты» является правильным шагом, имеет ли это отношение к терроризму или предстает как деятельность во имя благой цели, зависит от того, кто отдает приказ. Это уже привычная практика, и она не вызывает трудностей при осуществлении, на прописные истины морали никто не обращает внимания, а нежелательные факты скрываются от глаз общественности.

КАК НАУЧИТЬСЯ СКРЫВАТЬ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ?

Один из авторов работ, вошедших в научный сборник Йельского университета, Чарльз Хил, отмечал, что теракт 11 сентября 2001 года ознаменовал начало второго этапа «войны с терроризмом». Первый ее этап был начат администрацией президента Р. Рейгана двадцать лет назад, — поистине редкая констатация реального положения вещей.

Хил триумфально заявляет, что на первом этапе «США одержали победу», однако монстр терроризма был всего лишь ранен, а не уничтожен полностью {368}. Каким образом мы одержали победу, это уже не наше дело: пусть этим занимаются иезуитские священники-интеллектуалы в странах Центральной Америки, Институт изучения вопросов военного сотрудничества стран Западного полушария, комиссии по расследованию, серьезные исследователи, правозащитники и публицисты, а также все дожившие до наших дней жертвы этой войны.

Мы многое узнаем о текущей контртеррористической кампании, если сумеем подробно изучить перипетии первого этапа войны США с терроризмом и то, какое отображение они получали в официальной позиции американского руководства. Один из ведущих

специалистов в данной области описывает 1980-е годы как десятилетие «государственного терроризма», «преобладающего государственного участия в террористической деятельности или в ее финансировании, в особенности через Ливию и Иран». По сути, США заняли «„активную“ позицию в отношении использования террористических методов».

Многие ученые занимались изучением способов, которые позволили США «одержать победу в войне с терроризмом». В основном они сводились к проведению специальных операций, неоднократно становившихся причиной осуждения США со стороны Международного суда и Совета Безопасности ООН (исключая те случаи, когда американское руководство пользовалось своим правом вето). Эти операции выступали в качестве модели при принятии американским руководством решения о «поддержке враждебного движения „Талибан“ в духе политики, проводимой ранее американцами в Никарагуа». Известный исследователь данной тематики Давид Рапопорт обнаружил исторические аналогии, которые позволяют судить о характере террористической деятельности Усамы бен Ладена. Так, в Южном Вьетнаме «эффективность террористической деятельности Вьетконга против американского Голиафа с его военной мощью и технической оснащенностью поколебала убежденность в том, что западная военная машина неуязвима»{369}.

Действительно, трудно переоценить степень коварства террористов, которые осуществляют повсеместно свои злодеяния против США.

Следуя привычному стереотипу восприятия, в этих и подобных им исследованиях США предстают как случайная жертва, которой приходится держать круговую оборону от нападков извне. Со стороны вьетнамцев — в Южном Вьетнаме, никарагуанцев — в Никарагуа, ливийцев и иранцев — не важно, что они когда-то сами страдали от действий США, а также прочих антиамериканских сил всего мира. Если кого-либо не устраивает такая трактовка происходящих событий, то их можно запросто причислить к «антиамериканским силам» и впредь не считаться с их мнением.

Как ранее уже упоминалось, в течение 1960-х годов в Латинской Америке набирала силу волна государственного терроризма при активной поддержке США, а в 1980-х она захлестнула Центральную Америку, по мере того как «война с террором», объявленная Р. Рейганом, начала собирать свою первую кровавую жатву. Центральная Америка была выбрана полигоном для развернувшихся военных действий. Другим полигоном стал регион Ближнего Востока и Средиземноморья. Здесь также наблюдалось разительное отличие между реальными событиями и тем, как они официально представлялись. Самой страшной вспышкой насилия в этом регионе на протяжении 1980-х годов стало израильское вторжение в Ливан в 1982 году, которое, как и разрушительные военные операции на ливанской территории, проведенные по инициативе И. Рабина и Ш. Переса в 1993 и 1996 годах, едва ли выглядели как вынужденный шаг в целях самообороны. В этой связи поддержка данных израильских действий Р. Рейганом и Б. Клинтонем только упрочила имидж Вашингтона как главного центра государственного международного терроризма.

США принимали непосредственное участие во многих терактах в этом регионе, включая абсолютно беспрецедентные по степени своей жестокости акции 1985 года, когда терроризм, судя по публикациям, стал главной темой года. (А) Взрыв машины в

непосредственной близости от мечети в Бейруте, в результате чего погибло 80 человек (в основном женщины и девочки) и 250 человек было ранено. Взрывное устройство было настроено, чтобы сработать в момент, когда люди будут выходить из мечети. Следы организации данного теракта вели к ЦРУ и британской разведке. (Б) Решение Шимона Переса о бомбардировке территории Туниса, в ходе которой погибло 75 человек, в основном палестинцы и тунисцы. США способствовали проведению бомбового удара, а Государственный секретарь США Джордж Шульц впоследствии будет подчеркивать правильность данного решения, в то время как Совет Безопасности ООН осудил его как «акт вооруженной агрессии» (при голосовании этого вопроса США воздержались). (В) Решение Шимона Переса о проведении операций «Железный кулак» для борьбы с так называемым «поселенческим терроризмом» на оккупированных территориях Ливана. Эти операции, по словам одного западного дипломата, хорошо осведомленного о положении дел в регионе, превзошли прежние по степени «четкости в организации репрессий и произвола израильских действий». Причем, как обычно бывает в таких ситуациях, точное количество жертв этих спецопераций осталось неизвестным.

Все эти силовые акции подпадают под категорию международного государственного терроризма, впрочем, их можно было бы квалифицировать как более тяжкие военные преступления. Эти оценки не учитывают многие другие силовые акции, к примеру, регулярные похищения и убийства людей в открытом море, которые осуществляли военно-морские силы на маршруте между Кипром и Ливаном. При этом многие люди были захвачены и содержались в израильских тюрьмах, и статус их не был определен в судебном порядке. Другие преступления не рассматривались как таковые, поскольку за ними стоял Вашингтон{370}.

В журналистских и научных кругах, занимающихся изучением проблемы терроризма, 1985 год принято считать пиком подъема ближневосточного терроризма. Однако отнюдь не вышеприведенные события стали причиной для подобных выводов. Эти заключения были сформулированы в связи с осуществлением двух террористических актов, в каждом из которых погиб всего один человек, но в обоих случаях это был американский гражданин{371}.

Данные теракты на сей раз были открыты для всеобщего обозрения официальной идеологической машиной. В результате самого страшного из них (октябрь 1985 года) в ходе захвата круизного лайнера «Акилле Лауро» палестинской террористической группой во главе с Абу Аббасом был жестоко убит один еврей американского происхождения по имени Леон Клигхофер. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джон Бернз писал, что это убийство, «казалось, продемонстрировало всем террористам некий образец того, с какой беспощадностью и жестокостью необходимо действовать». Бернз описывал Абу Аббаса как «утратившего человеческие качества монстра», для которого «вскоре настанет час расплаты, и он предстанет перед американским правосудием»{372}.

Убийство Клигхофера остается наиболее ярким символом того, что зло арабского терроризма неискоренимо и является несомненным доказательством бесполезности любых переговоров с этим сбродом. Преступление очевидно, и вину террористов не могут смягчить их заявления о том, что захват лайнера является ответом на действия Израиля двумя

неделями ранее в Тунисе при поддержке США, которые имели гораздо более тяжелые последствия. Однако бомбардировки Туниса не соответствуют критерию определения террористической деятельности, поскольку в данном случае срабатывает уловка о субъекте террористической акции. Никто об этом даже не вспомнил, когда Абу Аббас был пойман. Шимон Перес и Джордж Шульц еще больше подходили на роль «монстров», и их самих можно было бы с легкостью заставить «отвечать перед американским правосудием». Но это был бы абсолютно невообразимый сценарий.

Забвению были преданы некоторые другие недавние происшествия, которые очень во многом сходны с обстоятельствами убийства Клингхофера. Никакой реакции не последовало, когда после силовой операции, проведенной по инициативе А. Шарона в 2002 году, британские журналисты обнаружили «расплющенный каркас инвалидного кресла» на развалинах лагеря беженцев в Дженине. «Оно было полностью смято, превращено в лепешку, как в каком-нибудь мультфильме, — сообщалось в их репортажах, — среди груды обломков зданий виднелся сломанный белый флаг». Прикованный к инвалидному креслу палестинец Кемаль Загхейер «был застрелен в тот момент, когда пытался укрыться от начавшейся перестрелки на соседней улице. Вероятно, он был раздавлен танками, поскольку, когда он был найден [приятелем], у него не было ноги, обеих рук, а голова была разорвана на две части»{373}. Это происшествие, если бы даже о нем было сообщено в американской прессе, оказалось бы списано со счетов как досадная оплошность, случившаяся в ходе справедливой операции возмездия. Очевидно, Кемаль Загхейер, как и Леон Клингхофер, не заслужили того, чтобы их имена вошли в современную историю терроризма. Убийство Загхейера осуществлялось не по приказу какого-то «монстра», а, наоборот, «поборника мира», который находился в теплых отношениях с «человеком большой интуиции» из Белого дома.

Основные характеристики динамики развития событий в регионе еще двадцать лет назад сформулировал Боаз Эврон, один из известнейших публицистов Израиля. После вспышки насилия со стороны Армии обороны Израиля, жертвами которой стали мирные жители палестинских поселений, что повергло в ужас все израильское общество, Эврон опубликовал статью, в которой с сарказмом описывал то, как следует вести себя с этой «кастой отверженных» израильского общества — «арабушим» на еврейском сленге. Израиль должен «держат их на коротком поводке», чтобы они не забывали, что «над их головой занесен кнут». Пока не слишком много людей подвергается жестким и открытым репрессиям, западные борцы за права человека «будут принимать происходящее как данность» и даже возмущаться, «а что, собственно, здесь такого ужасного?»{374}.

Ревностные хранители журналистской этики в США давно пришли к такому выводу без помощи советов Б. Эврона. Наиболее известное аналитическое издание по вопросам СМИ, «Колумбийское журналистское обозрение», увенчало «лаврами» американские СМИ за освещение весной 2002 года (к этому моменту оккупация Израилем территорий западного берега реки Иордан и сектора Газа насчитывала тридцать пять лет) военных операций А. Шарона в Дженине, Наблусе, Рамалле, а также во многих других городах. По мнению «Колумбийского журналистского обозрения», эти лестные отзывы заслужили все те, кто в своих работах сделал попытку оценить действия инициаторов вооруженного конфликта с точки зрения самого главного вопроса: была ли бойня, учиненная против сотен

невооруженных людей в лагере беженцев в Дженине, специально спланированной акцией{375}? Если нет, то весь цивилизованный мир может «с чистой совестью принять эти события как данность».

Можно попытаться провести эксперимент. Предположим, что Сирия оккупировала бы территорию Израиля на протяжении тридцати пяти лет, используя средства и способы израильского оккупационного режима, и в дальнейшем только и делала бы, что наращивала интенсивность силового воздействия, как поступал А. Шарон в 2002 году. А именно: устраивая кровавые бани в еврейских городах, сравнивая с землей целые районы своими бульдозерами и танками, при этом население было бы лишено доступа к продовольствию, не обеспечено пресной водой, разрушались бы культурные центры, государственные учреждения, уничтожались бы археологические ценности. Вдобавок все это делалось бы таким образом, чтобы у этих «жидов» не оставалось бы и тени сомнения, что «над их головой занесен кнут», главное — не убивать их сотнями за один раз. Это не оставило бы вопросов относительно того, кто заслуживает «лавры и почет», а выступать с протестами против подобной политики осмелились бы только антиарабские националисты. В таком случае любые публикации свидетельств о растерзанных останках израильского калеки, которого переехал сирийский танк, остались бы незамеченными, не говоря уже о том, что сирийские власти не были бы подвергнуты суровому «американскому правосудию».

При описании «происшествия в Дженине» «Колумбийское журналистское обозрение» подвергло жесткой критике британскую прессу за «заявления о вине Израиля в этих трагических событиях как о доказанном факте», а также высмеяло инициативы ООН «о проведении специального расследования с привлечением команды международных наблюдателей, чья политическая пристрастность делала выводы их работы заведомо спорными». Несомненно, спорность их оценок должны были подтвердить независимые эксперты «Колумбийского обозрения». «Во всей этой неразберихе, — восклицали редакторы „Обозрения“, — как мы можем доверять кому-либо в мире?»

К счастью, не все было потеряно: «Стоит обратиться к независимым американским новостным изданиям с целью поиска достоверной информации», как вы обнаружите отсутствие любых слов, порочащих репутацию Израиля, и опровержение того, что в Дженине было осуществлено «намеренное, хладнокровное убийство сотен людей». Это на самом деле созвучно выводам, к которым пришла «скомпрометировавшая» себя британская пресса (как и издания других стран), которая, однако, не придерживалась линии на проведение положительной пропаганды действий США и Израиля в данной ситуации настолько четко, как того требовало «Колумбийское журналистское обозрение». Она стремилась взглянуть на события, связанные с израильской военной операцией, под разными углами зрения.

«Независимые американские новостные издания» не заслужили такой оскорбительной похвалы со стороны главного журналистского издания США. Внимательный читатель в общем потоке информации мог встретить описания произошедших на Ближнем Востоке преступлений, хотя, конечно же, не в таких шокирующих подробностях, как в израильской или европейской прессе. Безусловно, что уже давно стало привычным, все американские СМИ аккуратно обходили обсуждение темы причастности собственного правительства к

совершенным преступлениям.

Часто можно заметить, что террористические действия оказываются неприкрытыми и даже поощряются, когда вовлеченными в международную государственную террористическую деятельность оказываются те, «кому это позволено». Показательным примером является Турция, которая, как уже отмечалось, сменила Сальвадор в качестве основного получателя военной и технической помощи США. В Турции «государственный террор» применялся крупномасштабно и находил полное понимание и поддержку США на протяжении всего периода правления президента Б. Клинтона{376}. Я заимствую термин «государственный террор» у турецкого уполномоченного по правам человека, когда он использовал его при определении характера массированных репрессий Турции против курдского населения в 1994 году. Также данный термин использовал турецкий социолог Исмаил Бешикчи, который на протяжении пятнадцати лет занимался изучением турецких репрессий против курдов и которого уже повторно посадили в тюрьму после опубликования его книги «Государственный террор на Ближнем Востоке».

В Турции правительство достаточно успешно скрывало от посторонних глаз нежелательные для себя факты, но кое-что все же не прошло незамеченным. В ежегодном отчете Государственного департамента США за 2000 год, посвященном «оценке вклада США в борьбу с терроризмом», отдельно отмечались «успешные действия» Турции в борьбе с террором наряду с такими странами, как Алжир, Испания, — достойными соратниками на этом нелегком поприще. Эти хвалебные оценки никак не были прокомментированы специалистом по вопросам терроризма газеты «Нью-Йорк таймс». На страницах ведущего американского журнала, посвященного международным отношениям, посол США Роберт Пирсон заявил, что у Соединенных Штатов, «возможно, не было лучшего союзника и друга, чем Турция», в ее стремлении повсеместно «искоренять терроризм». Это наглядно продемонстрировали «слаженные действия [турецких] вооруженных сил», проявившие себя в «антитеррористической операции» на юго-востоке страны в местах проживания курдов{377}. Как уже отмечалось, сознательное стремление США замалчивать различные факты проявления турецкого государственного террора ослабло лишь в тот момент, когда в начале 2003 года в Турции произошли демократические волнения. При всем этом мало кому известно, что участие США в преступлениях турецких властей было решающим{378}.

Суть приведенных здесь рассуждений и наглядных примеров из всего огромного спектра проявлений террористической деятельности сводится к одному простому предложению о том, как снизить угрозу нападений: прекратить быть пособником террористов. Это станет главным вкладом в успешное завершение так называемой «войны с террором». Тем не менее, это не имеет отношения к категории террористической деятельности, существование которой допускается в рамках официальной доктринерской системы: в этой связи всегда крайне важно учитывать, когда «их» нападения совершаются против «нас» и наших союзников. Давайте на некоторое время переключим свое внимание от этого несомненно значимого вопроса и рассмотрим не менее важную предметную область, в которой очевидные истины предстают в интересном свете.

ОЧЕВИДНЫЕ ИСТИНЫ И ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ

Развитие теории справедливой войны получило новый импульс в контексте «новой эпохи гуманитарных интервенций» и развития международного терроризма. Приведем один ключевой в этом отношении аргумент: бомбардировки Афганистана, по общему мнению западных экспертов и наблюдателей, являются применением концепции справедливой войны в действии. Уважаемый философ и исследователь вопросов морали Джин Бетке Элштайн довольно точно обобщает различные мнения, когда пишет, что «практически каждый, за исключением абсолютных пацифистов и тех, кто полагает, что нам следует позволить убить себя и остаться неотомщенными, поскольку в мире слишком многие люди „ненавидят“ нас, согласен» с тем, что бомбардировки Афганистана были оправданной мерой{379}. Приведу всего лишь один пример: журналист газеты «Нью-Йорк таймс» Билл Келлер, теперь ставший главным редактором, отмечает, что в период, когда «США направили своих солдат в Афганистан в рамках операции по „смене режима“» в стране, «в качестве оппозиционеров рассматривались все, кто сознательно выступали против применения вооруженной силы». Также к числу оппозиционеров причислялись либо умеренные противники американского решения, либо «изоляционисты, ортодоксальные левые и придурки, о которых Кристофер Хиченс писал, что они, обнаружив гадюку в кровати своего ребенка, в первую очередь начнут звонить в организацию „Люди против жестокого обращения с животными“»{380}.

Это эмпирические утверждения, и, несмотря на то что они почти единодушно провозглашаются, необходимо удостовериться в их истинности. Давайте предположим, что «смена режима» была «главной предпосылкой» начала войны в Афганистане, и будем отрицать, что данный тезис всплыл уже в ходе проведения военной операции. Был ли среди тех, кто выступал против начала бомбардировок, кто-то помимо пацифистов до мозга костей и просто сумасшедших?

Оказывается, что были, и эта категория представляет особый интерес для нашего исследования. Во-первых, к ней, с момента объявлений о начале бомбардировок, относилась подавляющая часть населения большинства стран мира. Об этом свидетельствуют результаты социологического опроса, проведенного компанией «Гэллап» в конце сентября 2001 года. Главным задаваемым вопросом был следующий: «Сразу же после того, как установлена личность террористов, должны ли власти США начинать проведение военной операции в стране или странах, где расположены базы террористов, или США должны добиваться экстрадиции подозреваемых в террористической деятельности с тем, чтобы они предстали перед судом?» Насколько реалистично осуществление таких дипломатических мер, стоит спросить сторонников наиболее непримиримой позиции по обе стороны конфликта. Вашингтон категорически отказался предпринимать любые попытки для проведения переговоров по экстрадиции боевиков «Талибана» и в то же время отказался предоставить доказательства выдвинутых против них обвинений.

Все мировое сообщество отдавало полное предпочтение дипломатическим и правовым средствам перед открытыми военными действиями. В Европе поддержка военных действий составляла от восьми процентов в Греции до двадцати девяти процентов во Франции. Наименьшее количество сторонников силовых мер было в Латинской Америке, которая в наибольшей мере, по сравнению с другими регионами, испытала на себе всю тяжесть американских интервенций: здесь поддержка варьировалась от 2 процентов в Мексике до 16 процентов в Колумбии и Венесуэле. Единственным исключением стала Панама, где 80 процентов населения выступали за мирное урегулирование афганского вопроса, а 16 процентов высказались в пользу проведения силовой акции. Поддержка нанесения ударов по гражданским целям была и вовсе минимальной. Только две страны в мире высказались в поддержку применения военной силы — Индия и Израиль (у которых на это были свои мотивы), прочие страны в большинстве были против войны. Как сообщалось в прессе, в этот момент в отношении американской политики наблюдались резко отрицательные выступления, политики, которая предполагала бомбардировки гражданских объектов в Афганистане, а впоследствии привела к тому, что целые городские агломерации превратились в «города-призраки».

О результатах опроса «Гэллап» не было сообщено в США, в других странах, кроме стран Латинской Америки{381}.

Отметьте, что это был достаточно ограниченный круг тех, кто поддерживал бомбардировки Афганистана и основывал свое мнение на том, что личность виновных в совершении терактов 11 сентября установлена. Но это было не так, о чем американские власти и сообщили через восемь месяцев после бомбардировок, сильно не афишируя эту информацию. В июне 2002 года директор ФБР Роберт Мюллер давал показания специальной комиссии Сената. Пресса назвала эти заявления «самым подробным его комментарием в отношении причин и обстоятельств совершения терактов» 11 сентября 2001 года{382}. Мюллер заявил сенаторам о том, что «следователи по делу полагают, что за совершением терактов 11 сентября во Всемирном торговом центре и в Пентагоне стоит террористическая организация „Аль-Каида“, чьи лидеры располагаются в Афганистане», хотя следы организации и финансирования ее деятельности ведут в Германию и Объединенные Арабские Эмираты. «Мы считаем, что штаб-квартира „Аль-Каиды“ и ее руководство находятся в Афганистане», — заявил Мюллер. Если косвенная причастность Афганистана только предполагалась в июне 2002 года, об этом, очевидно, ничего не могло быть известно за восемь месяцев до того, когда президент Буш отдавал приказы о начале бомбардировок Афганистана.

В таком случае, согласно заявлениям представителей ФБР, получается, что бомбардировки были осуществлены незаконно, а решение об их начале было основано на одних только доводах и предположениях. Отсюда также вытекает, что действия США не были подкреплены никакой, хоть самой минимальной, международной поддержкой, поскольку даже незначительные одобрительные высказывания, отраженные в проведенных в тот период социологических опросах, были основаны на доводах, об ошибочности которых Вашингтон и Лондон доподлинно знали с самого начала.

Возможно, бывший директор отделения организации «Хьюман райтс уоч» в Африке, теперь ставший профессором права в Университете Эмори, выразил общее международное мнение, когда он выступил в Международном Совете по правам человека в Женеве в январе 2002 года. Он заявил следующее: «Я не в состоянии обнаружить какое-либо различие с точки зрения морали, политики и права между джихадом США против тех, кого они считают своими врагами и джихадом исламистских групп против тех, кого они считают своими врагами»{383}.

А как же быть с мнением самих афганцев? В этом отношении мы располагаем достаточно скудной, но все же достоверной информацией. В конце октября 2001 года, после трех недель интенсивных бомбардировок, примерно тысяча афганских лидеров собралась в Пешаваре, некоторые вернулись из-за границы, где они находились в изгнании, другие все это время были непосредственно в Афганистане. Всех их объединяло одно — желание свергнуть режим «Талибана». Как сообщалось в прессе, это «было редким проявлением единства старейшин афганских племен, исламских теологов, политиков самых разных убеждений и бывших командиров боевиков». По многим вопросам их взгляды расходились, но они в один голос «призывали США прекратить воздушные налеты» и обращались к международному сообществу с требованием положить конец «бомбардировкам невинных людей». Они потребовали пересмотреть подходы США к свержению режима «Талибана» и выразили уверенность, что данная проблема может быть разрешена без дальнейшего кровопролития и разрушений.

Примерно подобное мнение выражал лидер афганской оппозиции Абдул Хак, с которым считались и политики в Вашингтоне, и афганский президент Хамид Карзай. Незадолго до того, как Хак появился в Афганистане без соответствующего одобрения США, где был схвачен и убит, он выступал с резкой критикой тогда еще только начинавшихся бомбардировок Афганистана и осуждал американское руководство за то, что оно отказалось поддержать предложенный им и рядом других деятелей план «по осуществлению раскола организации „Талибана“». Он заявил, что бомбардировки «окончательно подорвали предпринимаемые в том направлении усилия»: США «стремятся показать всю свою мощь, одержать победу и навести ужас на весь мир. Им безразличны страдания афганского народа и то, какой ценой будет добыта их победа». Известная афганская женская организация «Революционная ассоциация женщин Афганистана», которая получила запоздалое международное признание и фактически стала главным выразителем интересов и чаяний женской части афганского общества, также самым резким образом осудила американские бомбардировки{384}.

Среди тех, кто крайне отрицательно отнесся к началу бомбардировок, были крупные гуманитарные и медицинские организации, всерьез обеспокоенные тем, как это может отразиться на жизни афганцев. Представители этих организаций разделяли мнение многих ученых и экспертов, которые полагали, что бомбардировки чреватые «серьезными угрозами» голода для миллионов людей{385}.

Иными словами, безрассудные крайности были вполне реальны.

Давайте рассмотрим основополагающий принцип теории справедливой войны — универсальность. Тем, кто не может принять этот принцип, не стоит вообще начинать рассуждения о том, что правильно, а что нет, и говорить о справедливой войне в целом.

С точки зрения данного принципа у нас может возникнуть масса интересных вопросов, к примеру: имели ли Куба и Никарагуа право нанести бомбовый удар по Вашингтону, Нью-Йорку и Майами в качестве самозащиты от агрессии США? Особенно, если агрессор действует открыто и полностью безнаказанно, несмотря на активное противодействие международных правительственных органов, и такая ситуация выглядит куда более очевидной, чем то, что творилось в Афганистане? Если не имели, то почему? Безусловно, чтобы обосновать такое утверждение, нельзя ссылаться на масштаб творимых агрессором преступлений; история международных отношений показывает, что это невозможно.

Пока мы не найдем ответов на эти вопросы, нельзя всерьез воспринимать заявления о справедливой войне. Я не знаю ни одного примера, когда вопросы подобного рода хотя бы просто были подняты. Из этого вытекают определенные выводы, которые могут показаться нелицеприятными, но все же они заслуживают внимания и могут быть полезными с точки зрения самоанализа. Эти выводы также рождают серьезные опасения по поводу далеко идущих последствий непринятия принципа универсальности, что является причиной множества современных проблем.

Несмотря на то что все эти важнейшие вопросы остаются без ответа и вообще мало кого интересуют, периодически появляются высказывания, имеющие непосредственное отношение к указанной нами проблеме. Это способствует пониманию преобладающей нравственной и интеллектуальной культуры. Один корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в Латинской Америке недавно написал, что латиноамериканские интеллектуалы «сознательно выступают с одобрением того, что к антиамерикански настроенным лидерам их стран не применимы те моральные стандарты, которые используются в отношении лидеров, мыслящих иначе». В качестве подтверждения своих слов он привел заявления латиноамериканских экспертов и интеллектуалов, в которых содержались предупреждения о готовящемся США вторжении на Кубу после окончания операции в Ираке. Он полагает, что «психологическое объяснение» этой позиции может быть связано с их неспособностью принять «универсальные принципы морали»^{386}. Однако, как представляется, никаких психологических объяснений не требуется, раз уж он сам и его американские коллеги «сознательно выступают с одобрением безразличия своих лидеров к тому, какие моральные стандарты и принципы» используют США в отношении других стран. В частности, мы говорим о тех принципах, когда для всякого, кто дерзнет совершить силовую акцию, сопоставимую с теми, которые они сами осуществляли против Кубы и Никарагуа, предусматривается самое жестокое наказание.

Рассмотрим теперь аргументы, приведенные Джин Бетке Элштайн в связи с событиями в Афганистане, — аргументы, которые укладываются в рамки ее философии. Она сформулировала четыре критерия определения справедливой войны. Во-первых, применение силы оправдано, когда это позволяет «защитить мирных, ни в чем не виновных людей от причинения им определенного вреда». Здесь она приводит пример страны, которая «располагает достоверной информацией о готовящейся агрессии и времени ее

осуществления», а жертва этой агрессии не в состоянии защитить себя сама. Во-вторых, справедливые военные действия «должны быть санкционированы законно избранной властью или же о них должны открыто заявить легитимные органы власти». В-третьих, «в основе справедливой войны всегда лежит благая цель и благие намерения». В-четвертых, «справедливая война является крайней мерой, которую следует использовать только в тех случаях, когда все возможные способы и попытки отстоять объект или ценности, требующие защиты, исчерпаны».

Первое из приведенных условий не может быть применено к ситуации в Афганистане. Второе и третье условия абсурдны: открытые заявления агрессора о начале военных действий не являются сколько-нибудь веским основанием для начала пусть и справедливой, но войны. Худшие из преступников действовали, прикрываясь «благими намерениями», и всегда находились те, кто выступал в поддержку этих заявлений. Четвертое условие также, очевидно, неприменимо в Афганистане. Таким образом, вся предложенная Элштайн модель не выдерживает никакой критики согласно ее же собственным критериям.

Не будем сильно заострять наше внимание на этом моменте и обращать внимание на то, что кто-то может предположить правильность модели Элштайн и отстаивать ее применимость для анализа ситуации в Афганистане, скорее, ее модель более применима для объяснения характера государственного международного терроризма, поддержанного руководством США, тем, кто стал его жертвой. В соответствии с ее логикой жертвам терроризма США также можно предоставить право дать вооруженный отпор агрессору, коль скоро это продиктовано «благими намерениями». Однако сделать так, чтобы данная ситуация не оказалась доведенной до абсурда, потребует от нас следование принципу универсальности, о котором Джин Бетке Элштайн ничего не говорит в ее историческом и философском исследовании; впрочем, эта манера кажется для нас уже привычной.

Обратим внимание на другие немаловажные факты. Официальной причиной начала военной операции в Афганистане была необходимость заставить «Талибан» выдать США подозреваемых в совершении терактов 11 сентября 2001 года; однако США отказались предоставить какие-либо доказательства их вины. К моменту, когда отказ «Талибана» выполнить требования США (это вызвало крайнее негодование) стал главной темой для муссирования в СМИ, правительство Гаити выступило с довольно примечательной инициативой. Гаити повторно обратилась с официальным запросом к США об экстрадиции Эмманюэля Констана, руководителя вооруженных групп, на которые возлагалась основная ответственность за гибель тысяч гаитянцев на протяжении 1990-х годов, когда в стране правил режим военной хунты при непосредственной поддержке администрации сначала Дж. Буша, затем Б. Клинтона. В ответ на запрос было отправлено формальное письмо. Констана осудили в Гаити заочно; в тот период было расхожим мнением, что если он начнет давать показания, то могут всплыть нежелательные для Вашингтона факты причастности США к совершению преступлений в этой стране^{387}. Имела ли в таком случае гаитянская сторона право ответить США совершением теракта на их территории? Или же попытаться похитить и убить Констана в Нью-Йорке, где он проживает, а заодно и очевидцев этой операции, как это обычно делают израильские спецслужбы? Почему же в таком случае даже не возникает подобных вопросов ни в этом, ни во многих других случаях, когда различные террористы, у которых руки по локоть в крови, находят безопасное прибежище на

территории США? Если эти вопросы кажутся слишком абсурдными, чтобы их обсуждать (с точки зрения морали), как возможно достигнуть единого мнения по поводу обоснованности использования вооруженной силы руководством собственной страны?

Что касается теракта 11 сентября, то здесь есть те, кто полагает, что действия террористов являются проявлением «абсолютного зла». По этой причине они заслуживают «отпора пропорциональной силы»: беспощадного военного натиска в соответствии с доктриной Дж. Буша о том, что, «если вы укрываете террористов, вы сами террорист; если вы помогаете террористам и поощряете их, вы сами являетесь террористом и заслуживаете соответствующего отношения» {388}.

Вряд ли кто-либо согласится с мнением о том, что крупномасштабные бомбардировки являются легитимным ответом на теракты. Ни один здравомыслящий человек не согласится с тем, что нанесение бомбового удара по Вашингтону является оправданным и «соразмерным» ответным действием на совершенные США теракты в рамках принципа «отпора пропорциональной силы». Если найдутся доводы в пользу того, что эта «ответная мера» неприемлема, то эти доводы сначала необходимо озвучить и обосновать, а это, как я ранее показал, будет довольно трудно.

Давайте изучим официальные правовые доводы, которые были предложены США и Великобританией в связи с началом бомбардировок Афганистана. Кристофер Гринвуд, говоря о судебном решении Международного суда ООН по делу Никарагуа, полагает, что США обладают правом «самозащиты» против «тех, кто стал причиной человеческих жертв и разрушений, а также создал угрозу человеческой жизни». Положение законодательства, на которое он ссылается, имеет в большей степени отношение к вооруженным действиям США против Никарагуа, нежели к действиям «Талибана» или «Аль-Каиды». Если указанную норму закона применить для оправдания осуществляемых США бомбардировок и наземных военных действий в Афганистане, то Никарагуа обладает полным правом осуществить полномасштабную военную операцию возмездия против США. Другой известный профессор международного права, Томас Фрэнк, считает операцию США и Великобритании обоснованной, так как «любое государство несет ответственность за использование своей территории для нанесения вреда другому государству третьей стороной». Этот принцип вполне применим к США в случае с Никарагуа, Кубой и многими другими странами {389}.

Нет необходимости говорить о том, что ни в одном из этих случаев апелляции к использованию своего права на «самозащиту» от продолжительных действий, ведущих к «человеческим жертвам и разрушениям», не будут признаны обоснованными: в данном случае мы говорим о конкретных действиях агрессора, а не об угрозе действий.

То же самое и в отношении к сложным вопросам о соразмерности и адекватности реакции на террористические действия. Военный историк Майкл Хоуард предлагает «проводить полицейские мероприятия под эгидой ООН... по выявлению и ликвидации преступных организаций, членов которых необходимо арестовывать и передавать в руки международных судов, которые в установленном порядке смогут доказать их вину, если таковая имеется, и подвергнуть их достойному наказанию за совершенные преступления». Кажется маловероятным, чтобы эта здравая идея была применена к действиям США и

Великобритании{390}.

Два ученых из Оксфордского университета предложили использовать принцип «пропорциональности»: «Степень ответной реакции должна определяться тем, насколько негативное воздействие агрессия произвела на ценности, существующие в подвергшемся атаке обществе». В случае с терактами 11 сентября был подорван принцип «свободы самосовершенствования в плюралистическом обществе посредством рыночной экономики». Эта основополагающая американская и западная ценность была подвергнута вероломной атаке 11 сентября 2001 года «агрессорами... с кардинально отличными от западной картины мира взглядами и убеждениями». Поскольку «Афганистан встал на сторону агрессора» и отказался выдать США подозреваемых в преступлении, «США и их союзники, в соответствии с принципом „степени негативного воздействия“, могут на вполне законных основаниях и с чистой совестью применять вооруженную силу против правительства „Талибана“»{391}.

Если моральные устои западного общества вмещают в себя принцип универсальности, то, таким образом, Куба и Никарагуа (а на самом деле гораздо большее число стран) должны быть наделены правом «законно и обоснованно прибегать к использованию» значительно более агрессивных мер против США, чем они применяют в данный момент. Бесспорно, террористические атаки и другие незаконные действия США против Кубы и Никарагуа «произвели негативное воздействие на ценности» этих стран, и в гораздо более значительной степени, чем при совершении терактов 11 сентября против самих США, а также осуществлялись они целенаправленно. Более того, поскольку Великобритания «встала на сторону агрессора», Оксфордский университет также должен быть подвергнут серии терактов, по крайней мере со стороны Никарагуа.

Возникает уместный вопрос: почему никто не задумывается об этих вопросах (глубоко и должным образом) и какое все это имеет следствие для интеллектуальной культуры элит?

Рассмотрение вопросов, связанных с принципом универсальности, выходит далеко за рамки приведенных здесь конкретных примеров, включая даже такие малозначительные (по меркам США и Великобритании) выходы, как нанесение по приказу Б. Клинтона в 1998 году ракетного удара по фармацевтическому заводу в Судане в местечке Аль-Шифа, что привело к «нескольким сотням тысяч» погибших, согласно единственному достоверному источнику. Эти оценки включают результаты подсчетов правозащитной организации «Хьюман райтс уоч» и более поздних докладов известных специалистов{392}. Преступление, которое хотя бы в самой малой степени походило на это, в случае если бы объекты атаки находились на территории США или Израиля или другой недопустимой цели атаки, вызвало бы гнев и ответные действия, разрушительную силу которых даже трудно представить. К тому же в дальнейшем эта акция возмездия стала бы образцом проведения справедливой войны. Принцип пропорциональности предполагает, что у Судана были все основания осуществить полномасштабную военную операцию в ответ, учитывая, что ракетный удар «имел колоссальные разрушительные последствия для экономики и общества» Судана{393}. Так что данная агрессия была куда более значительной, чем теракты 11 сентября для США, которые имели меньшие негативные последствия в масштабах всей страны.

В центре внимания всех скудных материалов, опубликованных в связи с инцидентом в Судане, был вопрос о том, что, предположительно, взорванный там завод был предназначен для производства химического оружия. Так это или нет, не имеет никакого отношения к совершенному преступлению; особенно к тому, «в какой степени данные агрессивные действия имели негативное влияние на ключевые ценности страны, которая подверглась нападению». Многие отмечают, что последовавшая вслед за взрывом гибель местного населения была случайностью и, таким образом, те, кто совершил нападение и не учел последствий готовящихся атак, не несут никакой ответственности. Данный аргумент также свидетельствует о симптоматичном отрицании принципа универсальности. Мы редко используем данный принцип с оглядкой на другие страны: в основе многих силовых акций, которые мы (справедливо) осуждаем, лежат чистая случайность и отсутствие конкретного умысла, однако это мало кого волнует в ситуации, когда правонарушителем является кто-то другой, а не мы сами. Впрочем, отсюда непосредственно вытекает другой более суровый и в то же время абсолютно очевидный вывод. Утверждение о том, что действия не носят ничего противоправного, справедливо только в том случае, если допустить, что судьба жертвы совершенно безразлична агрессору. Мы не можем быть полностью уверены в том, что последствия бомбардировок в Судане были полностью и заранее известны разработчикам операции в Генштабе США. ЦРУ, как «Хьюман райтс уоч» и многие другие, знало, что это единственный источник фармацевтических и ветеринарных медикаментов в стране, и предполагало, какими могут быть потенциальные последствия в случае его разрушения. Эти выводы можно было сделать до начала атак, и, безусловно, они очевидны теперь для всех, кого хоть в незначительной мере может заинтересовать судьба несчастных африканцев, ставших жертвами большой политики США. Эти действия Соединенных Штатов можно простить только, если, следуя гегельянским рассуждениям, считать африканцев «вещью в себе» и, следовательно, их жизнь не имеет «никакого смысла». Изучая преобладающие взгляды и тенденции мировой политики, пусть каждый посторонний наблюдатель, не связанный никакими отношениями подчинения с западными странами, составляет свое впечатление о «моральных устоях западного общества».

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ТЕРРОРИЗМУ

Давайте теперь определимся с пониманием термина «террор» — пусть не исчерпывающего, но соответствующего официальной и общепринятой идеологии.

В ближайшем будущем в рамках вновь объявленной «войны с террором» произойдет еще ни один военный конфликт. Президент США заявил следующее: «Неизвестно, как долго потребуются воевать, чтобы обеспечить свободу и безопасность нашей страны»{394}. Это довольно верное замечание. Америку окружает масса опасностей даже на собственной территории, что хорошо продемонстрировал инцидент с заражением сибирской язвой, обстоятельства которого до сих пор остаются не раскрытыми специальной следственной группой.

«Война с террором», как считается, будет продолжаться на протяжении неопределенного периода времени еще и в связи с событиями 11 сентября 2001 года. Эти теракты не стали полной неожиданностью, что ставит под сомнение распространенное убеждение о том, что

они ознаменовали резкий переход на качественно иной этап исторического развития. Даже обыкновенные читатели газет, не говоря уже о высокопоставленных стратегах из правительства, за несколько лет до этих ужасных терактов могли предположить, что что-либо подобное может случиться в скором времени. Кроме того, в 1993 году практически могло произойти то же самое. Террористические группы, которые подозреваются в совершении терактов 11 сентября, были в шаге от осуществления взрыва в здании Всемирного торгового центра, что могло привести к гибели десятков тысяч людей. Тогда же стало известно, что они планировали проведение более дерзкой операции, но их коварный план был вовремя сорван. Несмотря на то что их чудовищные замыслы все же получили воплощение 11 сентября, система оценки потенциальных опасностей осталась прежней.

Возможности противодействия террористическим акциям на территории США обсуждались в обществе задолго до 11 сентября. Начиная с 1981 года, когда группа боевиков, которые впоследствии основали ядро «Аль-Каиды», совершила убийство президента Египта Анвара Садата, истинная природа радикальных исламистских террористических организаций не вызывала уже никаких сомнений. Или когда несколько лет спустя террористические группы, которые еще в Бейруте имели тайные подходы и взаимодействовали с американскими спецслужбами, в ходе различных операций совершили убийства большого числа военнослужащих и гражданских лиц. Более того, логика действий террористов, участвовавших в этих и ряде других террористических акций, была вполне понятна. По крайней мере, для американских разведывательных служб. Они оказывали помощь при рекрутировании, обучении и вооружении данных групп с 1980-х годов вплоть до совершения ими терактов в США. Расследование правительством Голландии обстоятельств массовых убийств в сербской Сребренице показало, что в то время, как радикальные исламисты пытались взорвать здание Всемирного торгового центра, другие террористические группы по каналам ЦРУ были переброшены США из Афганистана в Боснию вместе с боевиками проиранской «Хизболлы» и большим количеством вооружения. Они были направлены сюда для ведения военных действий на Балканах на стороне США, пока Израиль (вместе с Украиной и Грецией) осуществлял поставки оружия сербам (вероятно, американского оружия){395}.

Теракты 11 сентября 2001 года отныне будут служить суровым напоминанием о том, что было известно на протяжении длительного времени: богатые и влиятельные государства более не обладают монопольным правом на использование вооруженной силы. Этот принцип оставался незыблемым в ходе длительного исторического периода. Учитывая современный уровень технологического развития, впереди нас ожидают кошмарные перспективы. Несмотря на то что терроризм представляет большую угрозу и по праву считается символом «возврата к варварству», неудивительно, что мнения и взгляды на его природу крайне различны по обе стороны баррикад. Причем сильные державы, которые безнаказанно творят самые страшные преступления, невзирая на собственное малодушие и моральную неполноценность, в большинстве случаев демонстрируемые ими, не желают вникать в данные различия и в связи с этим подвергают себя значительным рискам.

Существуют серьезные факторы глобальной политики, способные значительно усугубить опасность терроризма. Некоторые из этих факторов рассмотрены в прогнозах американского Национального разведывательного совета (НРС){396}. Эксперты НРС

полагают, что глобализация, в том виде, в каком мы наблюдаем ее сейчас, будет набирать обороты в обозримом будущем: «Мировое социально-экономическое развитие не будет развиваться плавно и равномерно, а будет характеризоваться финансовыми потрясениями и увеличивающимся экономическим неравенством». Грядущие финансовые потрясения вряд ли означают снижение темпов экономического роста, а рамки неолиберального подхода к трактовкам феномена глобализации, очевидно, будут значительно расширены в интересах тех, кто соблюдает правила и враждует исключительно с бедными членами международного сообщества. НРС также предположил, что если такая форма глобализации продолжится, то США столкнутся с рядом проблем: «увеличение стагнации экономики, политическая нестабильность, социальная и культурная разобщенность, — что [послужит] стимулом этнического, идеологического и религиозного экстремизма и будет сопровождаться интенсивными проявлениями агрессии». «Неудивительно», полагает Кеннет Уолц, что слабые и отверженные члены мирового сообщества «совершают нападки на США, ведь эта страна стала символом и главным виновником всех их бед»{397}. Подобные утверждения выдвигают и представители военного командования — к этому мы еще вернемся.

Всем, кто намерен обуздать угрозу терроризма, необходимо уделить пристальное внимание вышеуказанным факторам, а также обратить внимание на отдельные действия политиков и особенности текущей мировой политической ситуации, которые обостряют воздействие данных факторов. Необходимо проводить четкий водораздел между террористическими организациями и теми культурными пластами общества, в которых террористы могут искать поддержку и опору. Эта социальная среда объединяет бедные и угнетенные слои населения, которые зачастую не имеют отношения к нападениям и также страдают от рук террористов, как и более обеспеченные слои и представители светской власти. Последние с горечью отзываются об американской политике и втайне симпатизируют Бен Ладену (тем не менее, боясь и ненавидя его) как «совести всего ислама». Он, по крайней мере, хоть как-то реагирует на политику иностранного агрессора, пусть и используя ужасающие всех методы{398}.

Где проходит этот водораздел, совершенно ясно. Среди тех, кто осознает острую необходимость сдерживания террористических угроз, существует полное понимание того, что, «пока не устранены социальные, политические и экономические причины возникновения таких организаций, как „Аль-Каида“, США и их союзники будут оставаться мишенью исламистского терроризма». Следовательно, «США в целях самообороны следует наращивать усилия для борьбы с патологическими формами ненависти и злобы в мире, пока ситуация не приняла поистине угрожающие обороты», а также стремиться «исключить... причины увеличения насилия и терроризма». «Наиболее действенным средством ослабления „Аль-Каиды“ является лишение ее возможности пополнять свои ряды. То есть отлучить от нее тех, кто поддерживает ее или потенциально может начать поддерживать». Пол Вульфовиц добавил бы к этому, что чрезвычайно важно прекратить проводить политику, которая способствует «рекрутированию новобранцев в ряды „Аль-Каиды“»{399}.

Особенно трудно урезонить тех, кто, как пишет редакция газеты «Файнэншиал таймс», «убежден, что „столкновение цивилизаций“ Востока и Запада приведет к утверждению ислама в качестве новой мировой силы». Для того чтобы «сломить натиск исламской силы...

террористические группы необходимо лишить доступа к их все более увеличивающейся „пастве“». Журналисты «Файнэншиал таймс» добавили: «Давайте скажем иначе, „Аль-Каиду“ можно уничтожить только силой, а ее разветвленная сеть поддержки должна разрушаться только посредством политики, которую арабский и исламский мир считает правильной и справедливой». Даже ликвидация «Аль-Каиды» как таковой ничего не даст, если «останутся факторы, способствующие появлению и популяризации таких организаций, а именно — политическое насилие и экономическая маргинализация целых слоев общества». Соответственно, продолжающаяся поддержка Вашингтоном «грязных режимов» способна лишь «укреплять мнение, пропагандируемое „Аль-Каидой“, о том, что США потворствуют угнетению мусульман и оказывают активную поддержку репрессивным режимам»{400}. Речь идет не только о Палестине и Ираке, но также о «целом поколении арабов, которые превратились из сторонников США, разделяющих основополагающие американские ценности, в одних из самых непримиримых критиков политики США, [включая] влиятельных бизнесменов, обладающих богатыми связями на Западе, интеллектуалов и либеральных деятелей, получивших американское образование»{401}.

Сеть террористических организаций может быть достаточно сильно ослаблена. Так, деятельность «Аль-Каиды» в значительной мере оказалась скованной после событий 11 сентября, что было обеспечено благодаря слаженным операциям полиции, вроде тех, о которых говорил Майкл Хауард. Особенно это было заметно в Германии, Пакистане и Индонезии. Однако к потенциальным сторонникам террористических групп, «пастве», для которой они ведут свои проповеди, следует искать совершенно другие подходы. Необходимо аккумулировать недовольство, и если оно имеет под собой реальные причины, то направлять его в нужное русло, невзирая на сопутствующие риски. «Деликатные социальные и политические проблемы нельзя устранять с помощью бомб или ракетных ударов». По мнению некоторых политологов, «своими бомбардировками и ракетными ударами США только усугубляют и без того трудное положение. Насилие подобно вирусу: если пытаться действовать против него силовыми методами, оно только разрастается»{402}.

Журналисты из газеты «Файнэншиал таймс» были правы в том, что вспышка агрессии в Джидде в Саудовской Аравии, которая послужила отправной точкой их рассуждений, не была «неожиданностью». И более того, «на протяжении длительного периода времени было очевидно», что «террористические группы, организованные Усамой бен Ладеном, воспользуются началом войны в Ираке. Они возобновят атаки на западные страны, вторгшиеся в священные для мусульман места, и начнут с новой силой вести пропаганду в поддержку джихада».

Разведслужбы многих стран и различные специалисты в один голос говорили о том, что вторжение в Ирак подстегнет волну террористических атак. Как следствие, «общеизвестно, что вскоре после того, как американские вооруженные силы вторглись в Ирак, официальные представители США заявили о резкой активизации деятельности [„Аль-Каиды“] по привлечению новых членов в свои ряды», а также «о стремительном увеличении волны радикального фундаментализма во всем мире». В докладе ООН в тот период отмечалось, что «Аль-Каида» все интенсивнее ведет подбор новобранцев в тридцати-сорока странах, по мере того как США «начали подготовку к вторжению в Ирак»{403}. В сводках европейских

разведслужб было высказано предупреждение о том, что вторжение в Ирак, «вполне возможно, приведет к тяжелейшим последствиям, с точки зрения опасности мобилизации сил „Аль-Каиды“»{404}. «То, что конфликт в Ираке привел к подъему и мобилизации групп радикального толка, в настоящий момент признается уже самими властями США». Один эксперт по «Аль-Каиде» и проблемам терроризма пишет: «В „войне с террором“ был допущен один глубокий просчет». Война в Ираке, по сути, сделала из этой страны настоящее «пристанище для террористов»{405}.

Что касается сети террористических групп, то их структура, по единому мнению специалистов и ученых, немногим отличается от той, какой она была при их создании с помощью ЦРУ и спецслужб других стран. Задачами террористических исламистских групп является изгнание всех неверных с земель, принадлежащих мусульманам, свержение в исламских странах жестоких и коррумпированных режимов, которые пришли к власти при помощи и поддержке неверных, а также утверждение крайних форм ислама в качестве идеологической основы новых режимов власти. Они питают глубокое чувство ненависти к России, но временно приостанавливали террористическую деятельность против нее, после того как она вывела свои войска из Афганистана. Терракты вновь возобновились с прежней силой после начала военной кампании в Чечне. Как заявил в 1998 году Усама бен Ладен, «призывы начать войну против Америки появились [после того, как США направили] десятки тысяч своих солдат осуществить вторжение на „святую для мусульман землю“[24]... А также в связи с тем, что США оказывают поддержку репрессивному, коррумпированному и тираническому режиму власти в стране. Именно по этим причинам США выбраны объектом наших атак»{406}. Однако планы «Аль-Каиды» могут стать еще более дерзкими, а круг ее сторонников значительно расширится в случае, если энтузиасты, озаренные идеей «столкновения цивилизаций», захотят «ликвидировать все социальные и политические проблемы „с помощью ракетных ударов“», нежели искать мирные решения проблем и тем самым поступаться своими властными интересами и привилегиями.

Взрывы бомб в Джидде после завершения основной фазы военной операции в Ираке укладываются в прежнюю стратегию действия. Объектом атаки было гражданское строение, принадлежащее корпорации «Винэл», дочерней компании корпорации «Норфронт Груман»[25], где отставные американские офицеры «проводили обучение элитных частей, предназначенных для личной защиты шейхов», а не для обороны от вторжения извне. Учебные корпуса компании «Винэл» были взорваны в 1995 году. После того как прогремели взрывы, «все поняли, что эти объекты рассматриваются в качестве фактора военного присутствия в Саудовской Аравии». Один британский эксперт в области международных конфликтов отметил следующее: «Поставщики вооружения и технические Консультанты в значительной мере стимулируют развитие террористической деятельности»{407}.

Майкл Игнатъевф, который выступает в поддержку имперского влияния США на Ближнем Востоке, выражает довольно распространенное мнение о том, что «мирное урегулирование палестино-израильского конфликта» является «наиболее серьезной задачей» для США в этом регионе и может «значительно осложнить проведение успешной операции в Ираке». В результате мирного урегулирования данного конфликта «палестинцам как минимум должно быть предоставлено право на создание самостоятельного и жизнеспособного государства» и «возможность восстановления разрушенной до основания инфраструктуры». «До той

поры, пока палестинцы имеют дело с израильскими танками и военными вертолетами, а не с полномочными переговорщиками, США не могут быть застрахованы от опасности проявления ярости и агрессии исламистов»{408}.

Игнатъефф пишет, что «США как сверхдержава выступали в качестве гаранта баланса ситуации в регионе еще с 1940-х годов», однако он в своих рассуждениях упускает одну существенную деталь: предоставление каких видов военной помощи США могут «гарантировать», если учесть их собственную непосредственную заинтересованность во всей этой ситуации. Израильские военные вертолеты — это американские вертолеты с израильскими пилотами, израильские танки обеспечивались военной амуницией из США. Также непонятно, что подвигнет Соединенные Штаты в одночасье кардинально изменить политику, которую они успешно проводили на протяжении тридцати лет. Если отбросить эти, казалось бы, малозначимые факты, то трактовка ситуации Игнатъеффом будет достаточно правдоподобной.

Тем, кто заинтересован в снижении интенсивности действий террористов, а не в «усилении напряженности» (используя слова президента США), следует обратиться к опыту тех, кто является профессионалом в противодействии терроризму. Пожалуй, нет более опытных в этих вопросах людей, чем сотрудники израильской государственной службы безопасности («Шабак»), которые ответственны за проведение «контртеррористических операций» на оккупированных территориях. Руководитель «Шабака» (с 1996 по 2000 год) Ами Аялон отмечал, что «стремление одержать победу» в войне с терроризмом без разрешения глубинных, основополагающих причин ее зарождения «приведет к непрекращающейся войне» — именно к этому призывает президент Дж. Буш. Бывший глава израильской военной разведки (с 1991 по 1995 год) Ури Саджи высказывал похожие замечания. Как показывает вторжение в Ливан и ряд других военных операций, писал он, Израиль, руководствуясь лозунгом «Мы научим вас жить правильно, [используя собственную превосходящую силу]», ничего не добьется. Он полагает, что «необходимо учиться смотреть на ситуацию под различными углами зрения... Если мы питаем хоть какие-то надежды на возможность совместного существования с арабами, мы должны научиться элементарно уважать их уклад жизни». В противном случае нас ожидает нескончаемая война{409}.

А. Аялон и У. Саджи, говоря о палестино-израильском конфликте, полагают, что «для ликвидации угрозы терроризма необходимо признать право палестинцев на самоопределение». Именно об этом двадцать лет назад говорил Ехосафат Харкаби, бывший глава израильской военной разведки и известный ученый-арабист. В тот момент Израиль был еще в относительной безопасности от угрозы нападения со стороны террористов, находящихся на оккупированных территориях{410}.

Приведем другой пример: в Северной Ирландии ситуация далека от идеальной, но она значительно улучшилась с момента, когда Великобритания пренебрегала насущными потребностями проживающих там людей в угоду интересам безопасности и порядка.

Основными факторами увеличения сторонников исламских террористов стали продолжающийся палестино-израильский конфликт и введение режима кабальных санкций США и Великобритании в отношении Ирака. Однако еще задолго до этого существовали и

более серьезные предпосылки. Опять же, все может представлять существенный интерес для тех, кто стремится ограничить вероятность повторения террористических атак и хочет дать ответ на поставленный президентом Дж. Бушем довольно риторический вопрос: «Почему они нас так ненавидят?»

Этот вопрос неверно сформулирован: они нас не ненавидят, скорее, их не устраивают действия американского руководства, а это вносит несколько иной смысл. Если вопрос правильно сформулирован, то ответ на него будет найден с легкостью. В 1958 году президент США Д. Эйзенхауэр и его окружение уже пытались «предпринять действия по обнаружению и ликвидации причины неприязни к США» в арабском мире, причем «не на уровне правительств, а на уровне рядовых граждан». Главной причиной такой неприязни, по заключению Совета национальной безопасности, была названа поддержка США коррумпированных и авторитарных режимов и «препятствование политическому и экономическому прогрессу» в целях «соблюдения собственных интересов в нефтеносных районах Ближнего Востока»{411}.

Журналисты газеты «Уолл-стрит джорнал» и многие другие исследователи составили похожее мнение, когда занимались изучением настроений и взглядов вестернизированных «исламских нуворишей» после терактов 11 сентября 2001 года. Среди них банкиры, промышленники, руководители транснациональных корпораций и многие другие. Они в целом поддерживали политический курс США, но выражали недовольство тем, что американцы оказывают поддержку коррумпированным и репрессивным режимам, что ведет к подрыву демократии и мешает модернизации, в особенности это касается палестино-израильских отношений и ситуации в Ираке{412}.

Это позиция сторонников США и тех, кто в душе разделяет многие американские ценности, включая уважение к правам и свободам. Но они в корне не согласны с конкретными действиями американского правительства, которые приводят к попранию прав человека. В отличие от «богатых мусульман», подавляющее большинство жителей мусульманских стран никогда не разделяли мнения о том, что блага их региона должны быть отданы на откуп Западу и их местным союзникам, а не служить их собственным интересам.

Согласно другому мнению, неприязнь к Западу в мусульманском мире коренится в чувстве досады по поводу развитости свобод и демократии; в неудачах их собственных попыток модернизации; в том, что они заявляют о своей неспособности войти в глобализированный мир, в котором они на самом деле уже давно и успешно существуют. Эти аргументы звучат, быть может, успокаивающе и тешат самолюбие поборников западной системы, но они отнюдь не разумны.

С момента совершения терактов 11 сентября мало что изменилось. Вашингтон лишь наращивал свою поддержку диктаторских режимов в Центральной Азии, что вызывало всеобщее уныние и досаду у сторонников демократических принципов. Так, журналист Ахмед Рашид сообщал, что в Пакистане, как во многих других странах, «нарастает негодование по поводу действий США, которые позволяют военному режиму [президента Мушаррафа] тормозить демократические процессы, начавшиеся в этой стране». Один известный египетский ученый связывает враждебность по отношению к США с «поддержкой

американским руководством практически каждого антидемократического правительства на арабо-мусульманском пространстве... Когда мы слышим заявления американских политиков о свободе, демократии и подобных ценностях, создается впечатление, что они произносят непристойности». Другой египетский исследователь добавил: «Жизнь в стране с отвратительным положением с правами человека, что оказывается стратегически необходимым требованием для обеспечения интересов США, дает очень четкое понимание того, что такое нравственное лицемерие и политика двойных стандартов». Терроризм, считает он, стал «ответной реакцией на несправедливость местной политики, причиной чего являются в значительной мере действия США». Руководитель программы исследования терроризма в Центре изучения международных отношений согласен с тем, что «поддержка репрессивных режимов, таких как в Египте или в Саудовской Аравии, безусловно, является основной причиной антиамериканских настроений в арабском мире». В то же время он предупредил, что «в обоих случаях альтернативные сценарии развития ситуации (без участия США) представляются еще более неприемлемыми»{413}.

Есть обширное количество примеров (не только ближневосточных стран) того, с какими трудностями сталкиваются те, кто извне пытается осуществить демократические преобразования в стране и при этом избежать нежелательных перекосов на этом пути. Таким образом можно нажать себе множество недоброжелателей.

Социологические опросы, проведенные в 2003 году, показали, что от Марокко до стран Персидского залива «подавляющее большинство респондентов... высказались за то, чтобы исламскому духовенству была предоставлена возможность более активно участвовать в политической жизни и управлении государства». Почти 95 процентов опрошенных отвергли идею о стремлении США «принести демократию в арабский и мусульманский мир», полагая скорее, что война в Ираке была развязана с тем, чтобы «обеспечить контроль над потоками арабской нефти и подчинить палестинцев воле израильтян». Также большинство опрошенных предположило вероятность увеличения террористической активности как следствие вторжения США в Ирак. На всем арабском и мусульманском культурном пространстве, включая такие страны, как Индонезия, исламистский фундаментализм находится в настоящий момент на подъеме. Эта идеология захватывает умы не только самых бедных слоев населения, но в равной мере обеспеченных и высокообразованных социальных групп, в то время как «некогда надежные партнеры США, которые в своей деятельности развивали либерально-демократические начинания», стали все больше разделять «общее глубокое недоверие к намерениям и политике США»{414}. По ряду существенных причин отношение к США осталось прежним, как и полвека тому назад.

«Джорджа Буша презирают даже те, кто раньше восхищался США, — пишет Джонатан Стил из Иордании, — ненависть по отношению к США и Великобритании возросла» и «никто не воспринимает всерьез намерения Т. Блэра положить конец палестино-израильскому конфликту». Даже Иордания, которая всегда считалась одной из наиболее прозападных арабских стран, полагает, что военные действия на Ближнем Востоке «отбрасывают демократизацию назад», оставляют в меньшинстве «всех местных защитников модернизации и светских ценностей». В связи с этим «не возникает сомнений, что в обозримом будущем регион ожидают новые вспышки насилия и терроризма»{415}.

